

Постановления, принятые Европейским Судом по правам человека в отношении Российской Федерации в 2009 году

Ковлер Анатолий Иванович

Судья Европейского Суда по правам человека, избранный от Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Год 2009-й наполнен особым содержанием не только потому, что это год 50-летнего юбилея Европейского Суда по правам человека и приближающейся 60-летней годовщины принятия Конвенции о защите прав человека и основных свобод, более известной как Европейская Конвенция. Воздав должное этим двум знаменательным датам, обратимся к российским делам, ибо решения и постановления Европейского Суда по жалобам против России в уходящем году дают повод для глубоких размышлений и «далеко идущих выводов».

Прежде всего несколько статистических показателей. Анализируя показатели прошлых лет, мы отмечали некоторый «застой»: относительную стабилизацию числа обращений в Суд из России порядка 10–11 тыс. жалоб в год, устойчивый рост выносимых постановлений... В 2009-м году многое было иначе.

В 2009 году в Суд поступило 13666 жалоб — это очевидный рост. Всего на конец 2009 г. в Суде скопилось более 38500 жалоб из России из общего числа 120 тыс. Особенно впечатляет рост количества запросов Суда (коммуникаций) властям государства-ответчика: 381 — в 2006 г., 516 — в 2007 г., 825 — в 2008 г., 1029 — в 2009 г., что свидетельствует о «каче-

ственном росте» содержания жалоб. Казалось, должно пропорционально вырасти и количество выносимых постановлений, а их было в 2009 г. меньше — «всего» 219 против 250 в 2008 г. В чем причина?

Причина состоит в том, что 15 января 2009 г. было принято первое «пилотное» постановление Суда по делу «Бурдов против России № 2», в котором речь шла о «системном нарушении» — неисполнении судебных решений по социальным вопросам (жалобы этой категории составляют более 35 % российских жалоб, зарегистрированных Судом). Пункт 8 резолютивной части постановления гласил: «Суд на один год с даты вступления в силу постановления приостанавливает производство по всем делам, касающимся только неисполнения и/или задержки в исполнении внутренних решений судов, обязывающих госорганы произвести денежные платежи...». Иными словами, Суд в ожидании принятия комплексных мер в России по изменению ситуации с неисполнением судебных решений замораживал на год вынесение постановлений по делам этой категории, а они давали от трети до половины общего количества постановлений.

Но вернемся к делу Бурдов-2. Вспомним, что в 2002 г. первым постановлением по России было дело «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia*, no. 59498/00, Judgment 7 May 2002, ECHR 2002-III), и касалось оно неисполнения судебных решений в г. Шахты Ростовской области по

выплате «чернобыльских» пособий ликвидаторам аварии. Через семь лет все вернулось на круги своя. В деле Бурдов-2 (*Burdov v. Russia no.2*, no. 33509/04, Judgment 15 January 2009) стороны не оспаривали, что пять решений судов, затронутые данным делом, были в конце концов исполнены, но с большими задержками. Суд дифференцированно и скрупулезно рассмотрел каждую задержку с исполнением и по трем из пяти нашел нарушение ст. 6 Конвенции. Длительное неисполнение властями судебных решений нарушило также право заявителя на уважение его собственности. Примечательно, что Европейский Суд по собственной инициативе рассмотрел вопрос об эффективности внутренних средств правовой защиты в случае длительного неисполнения государственными органами решений судов, направив соответствующие вопросы сторонам. Изучив детально аргументы сторон (см. § 90–§116), Суд пришел к следующему выводу: «Суд заключил, что не было никакого эффективного внутреннего средства правовой защиты, превентивного или компенсаторного, которые предусматривали бы адекватное и достаточное возмещение в случае нарушения Конвенции ввиду длительного неисполнения судебных решений, вынесенных против государства или его органов. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13 Конвенции (§ 117)».

Законы жанра «пилотного решения» предполагают «организационные выводы». Суд, установивший подобные нарушения более чем в 200 постановлениях в отношении России, счел «своевременным и необходимым» (§ 122) рассмотреть дело Бурдов-2 и в свете ст. 46 «Обязательная сила и исполнение постановлений», естественно, предварительно дал сторонам возможность высказаться по этой проблеме. Результаты анализа ситуации привели Суд к выводам, содержащимся как в мотивировке (§ 125–146), так и в резолютивной части постановления. Суд единогласно:

«5. Постановил, что вышеуказанные нарушения возникли в практике, несовместимой с Конвенцией, которая состоит в повторяющемся неисполнении государством решений суда и от которой у потерпевших сторон отсутствуют эффективные внутренние средства правовой защиты.

6. Постановил, что государство-ответчик обязано в течение шести месяцев с даты вступления в силу постановления в соответствии со Статьей 44 п. 2 Конвенции установить эффективное внутреннее средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы адекватное и полное возмещение в случае неисполнения или задержек в исполнении внутренних решений суда в соответствии с принципами Конвенции, как установлено прецедентным правом Суда.»

7. Постановил, что государство-ответчик обязано предоставить такое возмещение в течение одного года с даты вступления в силу постановления всем пострадавшим от неисполнения или неразумной задержки в исполнении госорганами обязательств по решениям суда, кто подал такие жалобы в Суд до вынесения настоящего постановления и чьи жалобы были коммуницированы Правительству в соответствии с Правилom 54 п. 2(b) Регламента Суда.»

Учитывая, что государство подало ходатайство о пересмотре постановления Большой палатой Суда, постановление по делу Бурдов-2 вступило в силу 4 мая 2009 г., т. е. отпущенный п. 6 постановления срок истек 5 ноября 2009 г., о чем напомнил Комитет Министров Совета Европы в своей резолюции от 2 декабря 2009 г. Не вдаваясь в перипетии согласования законопроекта (рабочее название которого на сентябрь 2009 г. было Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок»), Комитет Министров счел необходимым поторопить власти Российской Федерации (цитируем по пресс-релизу КМ СЕ от 8.12.2009):

«Комитет, в частности, отметил законопроекты, предусматривающие эффективную защиту на национальном уровне от длительного неисполнения решений российских судов и судебной волокиты. Он напомнил, что необходимость создания такого средства правовой защиты является общепризнанной на национальном уровне и подтверждена Президентом Российской Федерации. Комитет особо указал на то, что работа над законопроектом велась в рамках специальной межведомственной рабочей группы и в сотрудничестве с Советом Европы.

Комитет министров также отметил, что власти уже начали процесс разрешения в особом порядке подобных многочисленных дел, находящихся на рассмотрении Суда, и призвал их продолжить усилия в данном направлении.

Однако Комитет министров выразил сожаление, что срок, установленный Судом для принятия этих законопроектов, истек 4 ноября 2009 года, а они так и не были внесены в Парламент. Он отметил с озабоченностью, что, несмотря на позитивные изменения судебной практики, широкие слои уязвимых групп населения России по-прежнему не располагают в полной мере эффективным средством правовой защиты от нарушений государством своих обязательств по выплате сумм в соответствии с национальными судебными решениями, в том числе в социальной сфере.

Поэтому Комитет министров настоятельно призвал российские власти без дальнейшего промедления реформировать законодательство в соответствии с постановлением Суда»¹.

Что касается упомянутого в резолюции КМ «процесса разрешения в особом порядке подобных многочисленных дел», отметим с удовлетворением, что в ожидании перспективы принятия обещанного закона по инициативе Минюста России и аппа-

рата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде в последнее время власти заявляют о признании нарушения прав заявителей по жалобам, коммуницированным Судом, и готовности выплатить соответствующую компенсацию — два непереносимых условия для признания «одностороннего заявления» достаточным для снятия дела с рассмотрения (при условии, разумеется, что власти впоследствии предоставят доказательства исполнения своих обещаний в виде мирового соглашения и квитанций выплат). В последние месяцы 2009 г. Суд, применив ст. 37 § 1 Конвенции, снял с рассмотрения несколько десятков дел этой категории, что не помешает ему, в случае неисполнения государством своих обещаний, восстановить жалобу в списке рассматриваемых дел (ст. 37 § 2 Конвенции), как это случилось в свое время с жалобой «Алексеенцева и другие против России» (*Alekseentseva and others v. Russia*, no. 75025/01, Judgment 17 January 2008).

Сейчас еще рано оценивать эффект постановления Бурдов-2, тем более что по следам этого постановления приняты аналогичные «пилотные постановления» в отношении Молдовы (*Olaru and Others v. Moldova*, no. 476/07, no. 22539/05, 17911/08 and 13136/07, Judgment 28 July 2009) и Украины (*Y. N. Ivanov v. Ukraine*, no. 40450/04, Judgment 15 October 2009), где проблема неисполнения судебных решений также стоит остро. В любом случае нелишне напомнить, что Комитет Министров Совета Европы решил вернуться к рассмотрению исполнения постановления Бурдов-2 2–4 марта 2010 г.

Нельзя утверждать, что Европейский Суд «заморозил» все дела по неисполнению. Возможно, возникнут споры по поводу постановления по делу «Кунашко против России» (г. Надым, Ямало-Ненецкий АО) (*Kunashko v. Russia*, no. 36337/03, Judgment 17

¹ Полный текст резолюции см.: www.coe.int/t/dc/press/news/20091208_Interim_Resolution_Burdov_ru.asp.

December 2009) по поводу бездействия судебных приставов по исполнению (точнее, неисполнению) приказа мирового судьи о выплате задолженности по зарплате ЗАО «Газстрой». Суд г. Надыма признал бездействие службы судебных приставов до и после ликвидации предприятия. Европейский Суд поддержал позицию национального суда, добавив: «речь не идет об обязанности результата, а о средствах его достижения» (§ 37) вместо того, чтобы прикрыться обычным постулатом: государство не отвечает по обязательствам частных предприятий, ведь суть жалобы касалась именно халатности государственного органа.

Там, где неисполнение судебного решения сопровождалось его последующей отменой, Суд по-прежнему выносил постановления о «двойном нарушении» Конвенции. А таких дел в Суде 12 % от общего количества российских жалоб (так называемая категория «пенсионеров из Электростали»). Особенно урожайным по постановлениям в этой категории дел был 2009 г. для Подмосковья (см., например: *Goncharova and others and 68 other «Privileged pensioners» v. Russia*, no. 23113/08, Judgment 15 October 2009; *Botskalev and Rostovskaya and 42 other «Privileged pensioners» v. Russia*, no. 22666/08, Judgment 26 November 2009) и Якутии, где до сих пор продолжается ведомственная чехарда по чекам «Урожай» (*Molodyka and others v. Russia*, no. 3417/05, Judgment 23 August 2009; *Markovtzi and Selivanov v. Russia*, no. 756/05, Judgment 23 August 2009) и где в массовом порядке отменяются в надзоре «пенсионные» судебные решения (см., например: *Kraynova and Kraynov and 9 other «Yakut pensioners» v. Russia*, no. 7306/07..., Judgment 17 December 2009). Суд вынужден уже объединять десятки жалоб в одно дело (см. *Ryabov and 151 other «Privileged pensioners» v. Russia*, 4563/07..., Judgment 17 December 2009).

Под «каток» надзора попадают военнослужащие, участвовавшие в боевых

действиях (*Kulkov and others v. Russia*, no. 25114/03..., Judgment 8 January 2009), и даже судьи (все тот же «квартирный вопрос»: *Blinov and Blinova v. Russia*, no. 5950/04, Judgment 28 April 2009, Ставропольский край).

Помимо «гремучей смеси» (неисполнение + надзор) надзор выступает и в «чистом виде», причем не только в гражданской процедуре, но и в уголовной. Так, в деле *Червоненко* (Москва, Кунцевский суд) в результате повторных надзорных пересмотров дела о превышении разумной обороны, повлекшем гибель человека, подсудимый трижды приговаривался к различным срокам лишения свободы, в результате чего «пересидел» лишних 6 месяцев по сравнению со сроком, определенным первой инстанцией (*Chervonenko v. Russia*, no. 54882/00, Judgment 29 January). В деле *Киселева* (Кировская область), освобождение заключенного по «майской» амнистии 2000 г. было опротестовано областной прокуратурой, и была назначена более суровая мера наказания (*Kiselev v. Russia*, no. 75469/01, Judgment 29 January 2009). В деле *Чистякова* (Волгоградская обл.) дважды пересматривался приговор в отношении судебного эксперта, хотя при первом пересмотре уголовно преследование было прекращено (*Eduard Chistyakov v. Russia*, no. 15336/02, Judgment 9 April 2009). Кстати, по всем трем указанным делам власти Российской Федерации заявляли ходатайство о пересмотре постановлений ЕСПЧ, нашедших нарушение ст. 6 Конвенции.

Тема надзора прозвучала в нескольких решениях Суда о приемлемости жалоб. В них Суд дал свою оценку с точки зрения принципа правовой определенности ныне действующим процедурам надзора в арбитражном и гражданском судопроизводстве.

В решении о неприемлемости дела «ООО Link Oil SPB v. Russia» (42600/05, Decision 25 June 2009) Суд отметил, что порядок надзорного производства в арбитражном

процессе претерпел существенные изменения с 2003 г., когда вступила в силу глава 36 нового Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: «надзорное производство, похоже, является последним звеном в цепочке внутригосударственных средств правовой защиты, имеющих в распоряжении сторон в деле, а не чрезвычайным средством для возобновления производства по делу в суде»². Следовательно, заключил Суд, компания-заявитель не исчерпала внутренних правовых средств защиты.

В жалобе *Ковалевой и других* (*Kovaleva and others v. Russia*, по.6025/09, Decision 25 June 2009) Суд уточнил период времени, с которого наступили реальные с точки зрения Конвенции изменения в арбитражном надзоре: «начиная с 5 апреля 2005 г. одним из оснований для пересмотра дела в порядке надзора в Высшем Арбитражном Суде является то или иное нарушение прав человека и свобод, предусмотренных международными договорами (часть вторая статьи 304 АПК России). Это положение четко открыло для Высшего Арбитражного Суда путь исправления — в ходе надзорного производства — любого предполагаемого нарушения Конвенции.<...> Суд приходит к заключению, что обращение в Высший Арбитражный Суд с заявлением о пересмотре судебного акта в порядке судебного надзора должно считаться эффективным средством правовой защиты, способным предотвратить и исправить на национальном уровне возможные нарушения Конвенции»³. По этой причине шестимесячный срок для обращения с жалобой в Европейский Суд отсчитывается с даты вынесения окончательного решения, каковым в указанном деле являлось Определение Высшего Арбитражного Суда.

Напротив, отметив в целом положительные изменения в системе над-

зорного производства в гражданском процессе, происходящие после 7 января 2008 г. (даты вступления в силу ФЗ-330 от 4 декабря 2007) и после Постановления Пленума Верховного Суда от 12 февраля 2008 г., Суд тем не менее заключил: «Несмотря на эти изменения, надзорная процедура в отношении вступивших в законную силу судебных решений может еще вестись различными инстанциями с очевидным риском для дела быть возвращенным и переходить из одной инстанции в другую в течение неограниченного периода» (*Martynets v. Russia*, по. 29612/09, Decision 5 November 2009). Уточним, что в рассматриваемом деле В. К. Мартынец дело о собственности на дом в деревне «гуляло» в 2008 г. из одной надзорной инстанции в другую трижды.

Имущественные права граждан могут быть эффективно защищены и без вмешательства надзорной инстанции, скажем, при участии прокурора в гражданском деле — таков «message» в деле Бацаниной, где Суд, проанализировав положения процессуального законодательства об участии прокурора в процессе и закона о прокуратуре, а также Заключение № 3 (2008 г.), принятое Консультативным советом прокуроров европейских стран (совещательный орган КМ Совета Европы) в Санкт-Петербурге, высказал свою позицию: «Европейский Суд не исключает, что поддержка прокуратурой одной из сторон может быть оправдана в определенных обстоятельствах, например для защиты интересов уязвимых людей, которые, как предполагается, не в состоянии сами защищать свои интересы, или в тех случаях, когда соответствующим правонарушением затрагиваются интересы многих граждан, или в тех случаях, когда могущие быть идентифицированными собственностью или интересы государства нуждаются в защите» (*Batsanina v. Russia*, по. 3932/02,

² См. русский перевод в журнале: «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». — 2009. — № 9.

³ См. русский перевод: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. — 2009. — № 9.

Judgment 26 May 2009, § 27⁴).

Этими постановлениями и решениями далеко не исчерпан список прецедентов 2009 г. по судебной процедуре в России. Среди процессуальных «курьезов» отметим жалобу трех сотрудников управления по борьбе с организованной преступностью из Магнитогорска Челябинской области, осужденных за получение взятки: на руки они получили приговор в 27 страниц, а в Верховный Суд ушла исправленная версия в 31 страницу (*Karyagin, Matveev, Korolev v. Russia*, no. 72839/01, Judgment 28 May 2009). Юристам в Страсбурге и судьям пришлось проводить постраничную экспертизу текстов, чтобы прийти к выводу об отсутствии нарушения права на справедливое правосудие ввиду «несущественных редакционных изменений в тексте приговора»... Тем не менее такая вольность с текстами судебных решений вряд ли допустима.

В 2009 г. увеличилась (до 6 %) доля жалоб, связанных с длительностью процедуры, как гражданской, так и уголовной. В прежние годы жалобы такой категории были редкостью, особенно по сравнению с «валом» таких жалоб из Италии, Греции, Румынии. Из российских регионов здесь уверенно «лидируют» Санкт-Петербург и Ленинградская область (*Moskovets v. Russia*, no. 14370/03, Judgment 24 April 2009; *Yeliseyev v. Russia*, no. 12098/04, Judgment 28 May 2009; *Rysev v. Russia*, no. 924/03, Judgment 18 June 2009; *Zaytseyev v. Russia*, no. 42046/06, Judgment 25 June 2009; *Zharkova v. Russia*, no. 32380/06, Judgment 17 September 2009; *Dovidyan v. Russia*, no. 42277/04, Judgment 15 October 2009), а также Иркутск (*Sukhov v. Russia*, no. 32805/03 Judgment 18 June 2009) — восемь лет рассмотрения дела по обвинению по ст. 290 § 4 УК «Получение взятки», в конечном счете обвиняемый приговорен к двум годам лишения свободы, но освобожден от отбывания

наказания «за давностью»; *Sokorev v. Russia*, no. 33896/04, Judgment 18 June 2009 — судебное рассмотрение иска по поводу права проживать на служебной жилой площади длилось с 1993 по 2004 г.). А вот в Туле судебное рассмотрение спора о наследстве на квартиру длилось ровно восемь лет (*Vdovina v. Russia*, no. 13458/07, Judgment 18 June 2009). Шесть пересмотров дела по определению суммы невыплаченной зарплаты при увольнении в Адыгее растянули процедуру на семь лет, причем Верховный Суд был вынужден изменить территориальную юрисдикцию и передать дело в Краснодарский суд (*Orlova v. Russia*, no. 4487/04, Judgment 30 July 2009). Абсолютный рекорд длительности процедуры побит в Краснодаре: 12 лет (с октября 1996 по октябрь 2008) длилась тяжба о пользовании земельным участком (*Plemyanova v. Russia*, no. 27865/06, Judgment 15 October 2009). Около 11 лет рассматривалось судами Кемеровской области и Хакасии уголовное дело по обвинению в убийстве в 1989 г. семи подростков близ станции Казиней в Хакасии, из них 3,5 года заняло дополнительное расследование в 1996–2000 гг. по делу, по которому был вынесен приговор в 1995 г.; на время дополнительного расследования приговоренный к смертной казни Колчинаев был выпущен на свободу в апреле 1997 г. под подписку о невыезде а в сентябре 2001 г. приговорен Верховным Судом Хакасии к 15 годам лишения свободы (*Kolchinayev v. Russia*, no. 28961/03, Judgment 17 December 2009).

Завершим анализ судебных процедур напоминанием о том, что и в 2009 г., как и прежде, Европейский Суд был вынужден рассматривать такие явления, как несвоевременный вызов (или просто невызов) сторон в судебное заседание, особенно в кассации и надзоре (*Alekseenko v. Russia*, no. 74266/01, Judgment 8 January 2009; *Samokhvalov*

⁴ См. русский перевод в журнале: «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». — 2009. — № 9.

v. Russia, no. 3891/03, Judgment 12 February 2009; *Sibgatullin v. Russia*, no. 32165/02, Judgment 23 April 2009; *Sivukhin v. Russia*, no. 31049/05, Judgment 14 May 2009). Особую категорию составили жалобы, в которых заявлялось, что проведение заседаний с использованием телесвязи не гарантировало заявителям их процессуальных прав ввиду отсутствия на заседании адвоката (*Sakhnovskiy v. Russia*, no. 21272/03, Judgment 5 February 2009; *Grigoryevskikh v. Russia*, no. 22/03, Judgment 9 April 2009; *Potapov v. Russia*, no. 14934/03, Judgment 16 July 2009). Поскольку таких жалоб стало приходиться все больше, а ряд европейских стран (в частности Италия) также использует метод телеконференции при проведении судебных заседаний, решено удовлетворить ходатайство Российской Федерации о пересмотре Большой палатой дела *Сахновского* (слушание 20 января 2010 г.)

Отложен вопрос о передаче в Большую палату другого дела (*Апануев v. Russia*, no. 20292/04, Judgment 30 July 2009), в котором обвиняемый в убийстве подсудимый отказывался от услуг назначенного адвоката как в первой инстанции, так и в кассации. Дело затрагивает сложные вопросы трактовки на предмет соответствия Конвенции права подсудимых на защитника в случае отказа (добровольного или вынужденного) от его услуг со стороны подсудимого (коллизия статей 51 «Обязательное участие защитника» и 52 «Отказ от защитника» УПК).

Коль скоро речь зашла о Большой палате, в 2009 г. Суд вынес два постановления Большой палаты по российским делам.

В интересном в правовом смысле деле Золотухина (*Zolotukhin v. Russia* [G.C.], no. 14939/03, Judgment 10 February 2009, ECHR 2009⁵) Суд рассмотрел сквозь призму принципа *non bis in idem*. 4 Протокола № 7 к Конвен-

ции проблему повторного преследования и наказания в административном и уголовном порядке. Оправдание в уголовном процессе заявителя, ранее подвергнутого административному наказанию за мелкое хулиганство, по материально-правовым (отсутствие признаков состава преступления), а не процессуальным основаниям, было равносильно непризнанию национальным судом факта нарушения принципа *non bis in idem*: «обвинение в совершении “хулиганства”, касалось точно таких же действий, как и при предшествовавшем осуждении за «мелкое хулиганство», а также охватывало по существу одни и те же факты» (§ 120). Здесь налицо явная небрежность следователей, которую пыталась устранить судья.

Гораздо больший интерес прессы и общественности вызвало постановление Большой палаты по делу А. Быкова (*Bykov v. Russia* [G.C.], no. 4378/02, Judgment 10 March 2009, ECHR 2009⁶). Суд нашел нарушение ст. 8 Конвенции, закрепляющей право на уважение личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции ввиду проведения в отношении заявителя так называемого «оперативного эксперимента», при том что российское законодательство (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности») не предусматривало порядка, регулирующего прослушивание с помощью радиопередатчика. Со ссылкой на свои прецеденты Суд подчеркнул, что «закон должен с достаточной ясностью указывать объем... дискреции, передаваемой компетентным органам, и способ ее использования, чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства» (§ 78). Можно упрекнуть Суд в том, что, оценивая «качество закона», он отступил от принципа subsidiarity, но Суд аргументировал свой вывод тем, что «вмешательство в

⁵ Русский перевод см.: «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». — 2009. — № 6.

⁶ Русский перевод см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. — 2009. — № 6.

право заявителя на уважение его личной жизни не было «предусмотрено законом», как того требует п. 2 ст. 8 Конвенции (§ 82). Вместе с тем Суд не нашел нарушения ст. 6 Конвенции, поскольку счел, что в ходе судебного рассмотрения оценивались различные доказательства, а запись разговора «не рассматривалась как признание или доказательство осведомленности, которое могло быть положено в основу признания виновности; она играла ограниченную роль в сложной системе доказательств, которые подвергались оценке суда» (§ 103).

На этом можно было бы завершить рассмотрение судебных процедур в свете постановлений Европейского Суда. Однако Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 г. «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога или домашнего ареста» побуждает уделить внимание и этому «наболевшему вопросу», хотя бы потому, что дела, связанные с длительностью предварительного заключения и условиями содержания в СИЗО, составляют более 10 % в объеме поступающих в Страсбург жалоб.

И Европейский Суд, и Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращали внимание на то, что при выборе меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо учитывать не только тяжесть преступления, возможность скрыться от органов дознания, но и сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие индивидуальные обстоятельства, а также процессуальную «чистоту» действий правоохранительных органов. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание судов на их обязанность соблюдать содержащиеся в ч. 2 ст. 255 УПК РФ положения о том, что срок содержания подсудимого под стражей, исчисляемый со дня поступления дела в суд и до вынесения приговора, не может

превышать шести месяцев, в противном случае обвиняемый в совершении преступления небольшой или средней тяжести подлежит освобождению из-под стражи... В деле же из Тувы (*Lamazhyk v. Russia*, no. 20571/04, Judgment 30 July 2009) обвиняемый провел под стражей «за судом» более четырех лет, включая периоды, когда «забывали» процессуально оформить продление сроков содержания под стражей, а в деле из Татарстана в ряде продлений сроков предварительного заключения не были указаны сроки продления (*Tsarkov v. Russia*, no. 16854/03, Judgment 16 July 2009). Семь лет содержался в СИЗО в Ростовской области обвиняемый, проходивший по нескольким уголовным делам (*Gubkin v. Russia*, no. 36941/02, Judgment 23 April 2009). С 2002–2003 гг. (возможно, по сей день) содержатся в предварительном заключении фигуранты дела об убийстве в Волгограде (*Shkilev v. Russia*, no. 13541/06, Judgment 12 March 2009; *Lyubimenko v. Russia*, 6270/06, Judgment 12 March 2009; *Ananyin v. Russia*, no. 13659/06, Judgment 30 July 2009), причем с 31 января 2003 г. «за судом». В дело Кокоскиной (Подольск, Московская обл.) был вынужден вмешаться Верховный Суд и отказать в дальнейшем продлении заключения под стражу и заменить его залогом (*Kokoshkina v. Russia*, no. 2052/08, Judgment 28 May 2009).

Участились случаи процессуальных нарушений в отношении лиц, задержанных для последующей высылки или экстрадиции (*Khudyakova v. Russia*, no. 13476/04, Judgment 8 January 2009; *Eminbeyli v. Russia*, no. 42443/02, Judgment 26 February 2009; *Dzhurayev v. Russia*, no. 38124/07, Judgment 17 December 2009). Суды по-прежнему произвольно толкуют положения Минской конвенции 1993 г. о сроках содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции, несмотря на неоднократные разъяснения Конституционного Суда.

Одним из последствий таких про-

должительных сроков предварительного заключения остается скученность в СИЗО, нарушающая все элементарные стандарты условий содержания под стражей, как, например, в деле бывшего мэра г. Томска Макарова (*Aleksandr Marakov v. Russia*, no. 15217/07, Judgment 12 March 2009) или в деле таджикского гражданина Назарова, просидевшего два года в уже известном ИЗ-33/1 г. Владимира (*Nazarov v. Russia*, no. 13591/05, Judgment 26 November 2009). В 2009 г. опять «отметился» ИЗ-39/1 г. Калининграда (*Shilbergs v. Russia*, no. 20075/03, Judgment 17 December 2009). Можно было бы привести немало других примеров. Хочется напомнить о том, что Суд уже неоднократно отмечал отсутствие эффективных средств правовой защиты в случае нарушения условий содержания в подобных заведениях. Выводы напрашиваются из прочтения постановления *Бурдов № 2*: на повестке дня «пилотное решение» о структурных проблемах.

Неоказание адекватной медицинской помощи в СИЗО и колониях проходит все эти годы сквозной темой. Об этом много писалось и в связи с делом Алексаняна, и после гибели в СИЗО Сергея Магнитского. Так, заключенный ЖХ-385/5 в Мордовии неоднократно пытался добиться обследования по подозрению на туберкулез. В амбулатории колонии никаких его признаков не обнаружено, а через три месяца после этого по выходе на свободу в районной поликлинике поставили диагноз «инфильтративный пульмональный туберкулез в деструктивной фазе» (*Generalov v. Russia*, no. 24325/03, Judgment 9 July 2009).

Не хочется развивать другую мрачную тему — жестокое обращение с задержанными в органах милиции и при проведении следствия. Такие дела продолжают поступать, хотя доля их пока невелика (3,5 %). Правда, не по всем из них бесспорно подтвердились факты жестокого обращения (см., например, *Toporkov v. Russia*, no. 66688/01, Judgment 1 October

Российское правосудие. № 2 (46). 2010

2009; *Isayev v. Russia*, no. 20756/04; Judgment 22 October 2009), но почти во всех случаях отмечена неэффективность расследования этих фактов.

В заключение — о разном. Для исследователей практики Европейского Суда по статьям 8, 9, 10, 11 Конвенции было немало интересных прецедентов.

Статья 8. *Kuimov v. Russia*, no. 32147/04, Judgment 8 January 2009 (правовая головоломка о помещении приемной дочери заявителя на срочное лечение, отказ в свиданиях); *Kolesnichenko v. Russia*, no. 19856/04, Judgment 9 April 2009 (ночной обыск в квартире адвоката и в квартире родственников, г. Пермь).

Статья 9. *Kimlya v. Russia*, no. 76836/01, Judgment 1 October 2009 (отказ в регистрации в Сургуте и Нижнекамске общины сциентологов); *Skugar and others v. Russia*, no. 40010/04, Decision 3 December 2009 (признание неприемлемой жалобы жителей Ямало-Ненецкого АО о нарушении их прав как верующих введением ИНН — индивидуального номера налогоплательщика).

Статья 10. Преследования журналистов за критику местных властей: *Obukhova v. Russia*, no. 34736/03, Judgment 8 January 2009 (газета «Золотое кольцо», г. Ярославль); *Porubova v. Russia*, no. 8237/03, Judgment 8 October 2009 (г. Екатеринбург); *Romanenko and others v. Russia*, no. 11751/03, Judgment 9 October 2009 (г. Арсеньев, Приморский край, иск Судебного департамента); *Aleksandr Krutov*, no. 15469/04, Judgment 3 December 2009 (г. Саратов).

Особняком стоит дело *Пасько* (г. Владивосток), поскольку Суд с учетом прецедентов, связанных с разглашением служебной или конфиденциальной информации, не нашел нарушения ст. 10 по факту привлечения военного журналиста к уголовной ответственности за передачу за рубеж такой информации (*Pasko v. Russia*, no. 69519/01, Judgment 22 October 2009). И, пожалуй, самое нашумевшее в 2009 г. постановление по делу

Кудешкиной (*Kudeshkina v. Russia*, no. 29492/05, Judgment 26 February 2009) о лишении статуса федерального судьи за критику судебной системы и разглашение сведений о конкретном деле, по которому еще не состоялось окончательного судебного решения. (Кстати, жалоба фигуранта этого дела, следователя Зайцева, признана неприемлемой).

Статья 11. *Danilenkov and others v. Russia*, no. 67336/01, Judgment 30 July 2009 (преследование членов профсоюза докеров Морского торгового порта г. Калининграда).

По статье 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности) особый интерес представляют дела о конфискации вещественных доказательств, впоследствии бесследно исчезнувших из мест хранения: *Borzhonov v. Russia*, no. 18274/04, Judgment 22 January 2009 (конфискация и «исчезновение» автобуса ПАЗ, г. Улан-Удэ, Бурятия); *Novikov v. Russia*, no. 35989/02, Judgment 18 June 2009 (изъятие и сдача на «хранение» в воинскую часть 22 тыс. литров авиационного бензина, г. Благовещенск Амурской обл.); *Adzhigovich v. Russia*, no. 23202/05, Judgment 8 October 2009 (изъятие на Шереметьевской таможене 13 тыс. долларов США, решение Президиума Мосгорсуда о возврате 10 тыс. декларированных долларов, но они «исчезли» из хранилища).

Отчет о работе Европейского Суда с российскими жалобами был бы неполным без упоминания особой категории так называемых «чеченских дел»: 55 постановлений в 2009 г. (66 с учетом объединенных — рекордное число), к которым добавилось постановление по делу из Ингушетии (*Medova v. Russia*, no. 25385/04, Judgment 15 January 2009), в основном по фактам задержания и исчезновения родственников заявителей. В 2009 г. поступило еще почти 100 новых жалоб из Чечни. Хочется надеяться, что разработанный Минюстом России проект закона о компенсации лицам, пострадавшим при проведении антитеррористических операций, в бли-

жайшее время обретет форму закона, как это произошло в 2004 г. в Турции.

* * *

Как видно из этого обзора — по необходимости краткого и неполного — российские дела представлены делами разных категорий, а география их происхождения на сегодняшний день охватывает практически все регионы России. Каждая из представленных групп дел означает наличие системных (структурных) проблем, решение которых в большинстве случаев вполне возможно на национальном уровне. На извечные вопросы «кто виноват?» и «что делать?» Европейский Суд по правам человека в пределах своей компетенции и в силу сложившихся в Европе представлений об элементарных стандартах прав человека пытается дать свои ответы, понимая при этом, что основная работа должна проводиться, образно говоря, «по месту жительства» тысяч заявителей, продолжающих осаждать цитадель европейского правосудия.

Контактная информация:

sud_raj@ru.ru

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека; дела против Российской Федерации; постановление; срок рассмотрения судами уголовных и гражданских дел; неисполнение решений судов Российской Федерации; заявитель(-и) по делам против России; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод; жалобы.

Статья «Постановления, принятые Европейским Судом по правам человека в отношении Российской Федерации в 2009 году» подготовлена доктором юридических наук, профессором А. И. Ковлером, судьей Европейского Суда по правам человека, избранным от Российской Федерации, на основании его доклада, сделанного 18 декабря 2009 г. на конференции, посвященной 50-летию Европейского Суда по правам человека, проведенной Российской академией правосудия по инициативе кафедры европейского права.

В статье дан анализ работы Европейского Суда по правам человека в 2009 г. по рассмотрению жалоб, поданных в Европейский Суд против Российской Федерации. Автор

представил предварительные статистические данные о значительном увеличении количества жалоб, поступивших в Европейский Суд по правам человека в течение 2009 г. из Российской Федерации, а также увеличении числа жалоб, коммуницированных Европейским Судом властям Российской Федерации. Особое внимание автором уделено первому «пилотному» постановлению «Бурдов-2 против Российской Федерации» (Burdov v. Russia no.2, no. 33509/04), принятому Европейским Судом 15 января 2009 г. В целях исполнения вступивших в силу решений национальных судов и сокращения количества жалоб на неисполнение, поступающих в Европейский Суд по правам человека из Российской Федерации, Комитетом министров Совета Европы рекомендовано реформировать законодательство России в соответствии с вступившим в силу Постановлением Суда.

Важной новеллой в правовых позициях Европейского Суда в 2009 г. было признание Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации эффективной инстанцией пра-

вовой защиты, в связи с вступлением в силу ч. 2 ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Не обошел автор и два российских дела, рассмотренные Большой палатой Европейского Суда.

Автором затронуты и болезненные для России вопросы, по которым Европейским Судом ежегодно принимаются постановления против России. Это длительность рассмотрения дел судами Российской Федерации, несвоевременный вызов (или просто невызов) сторон в судебное заседание, длительность предварительного задержания под стражей, неоказание адекватной медицинской помощи в учреждениях системы ФСИН, жестокое обращение с задержанными в органах милиции, другие вопросы, по которым Европейским Судом в 2009 г. были вынесены постановления против России.

Публикуемая статья представляет интерес для судей всех судов Российской Федерации, прокуроров, МВД, ФСБ, Минюста России, адвокатов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных учреждений России.

